

Ветховен рано проявился талант импровизации. Двенадцатилетний, он уже сочинял музыку. Когда в 1787 году Моцарт услышал в Вене игру юного Ветховена, то сказал: «Обратите внимание на него. Он всех заставит о себе говорить».

Жизнь Ветховена была трудной, полной трагизма: она отняла у него все, даже способность слышать. Но гений его не сдавался. В своих бессмертных творениях, пронизанных революционной героиней и верой в человека, композитор восславил счастье борьбы и свободы. «Я хотел бы прожить тысячу жизней, — писал Ветховен, — чтобы вдохнуть мужество в несчастное человечество». Современники Великой французской революции, мировоззрение которого сложилось под воздействием эпохи Просвещения, Ветховен всем сердцем верил в торжество свободы, в светлое будущее.

Его «Героическая», Пятая, девиз которой — «Борьба с судьбой», Девятая симфония, увертюры «Эгмонт», «Кориолан», «Леонора», опера «Фиделио», сонаты и другие произведения исполнены огромного драматизма и эмоциональной силы.

В. И. Ленин, слушая «Аппассионату», сказал: «...Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!».

ЕЩЕ при жизни великого Ветховена Россия воздала должное его могучему гению. Хорошо известны факты дружбы композитора с русским послом в Австрии Андреем Разумовским и с петербургским меломаном, другом Пушкина, князем Борисом Голицыным. По заказу Разумовского были созданы Ветховеном три прославленных квартета ор. 59, в которых великий музыкант разработал подлинные мелодии русских песен.

Благодаря связям Ветховена с Голицыным музыканты Петербурга очень рано узнали ряд его замечательных партитур, в том числе и «Торжественную мессу». Россия имеет основания гордиться тем, что честь первого в мире исполнения этого величественного произведения принадлежала Петербургскому филармоническому обществу (26 марта (7 апреля) 1824 года). «Ваш гений опередил век, — взволнованно писал Голицын Ветховену вскоре после премьеры. — Теперь может быть, не найдется ни одного слушателя, который был бы достаточно просвещен, чтобы насладиться красотой Вашей музыки. Но потомки будут благодарить перед Вами...»

В последующие десятилетия искусство Ветховена было по достоинству оценено лучшими

умами России: Герцен и Тургенев, Лев Толстой и Стасов, Чайковский и Антон Рубинштейн с волнением слушали его музыку, глубоко захваченные ее философской глубиной и героическим пафосом. Ветховен был кровно близок признанному основоположнику русской музыкальной классики Михаилу Глинке.

Для русской демократической интеллигенции конца XIX — начала XX века Ветховен был пламенным певцом свободы, глашатаем революционных идеалов. Таким представлялся он передовым людям России в годы революции 1905—1907 годов и последующего подъема освободительного движения.

После Октября 1917 года широкая аудитория, получившая доступ к большому искусству, смогла в полной мере оценить творчество замечательного симфониста. Казалось, не было в истории другого художника, который оказался бы столь же созвучен идеям социалистической революции, как Людвиг ван Ветховен. Именно в Советской России первых революционных лет его искусство получило такое постоянное всенародное признание, какого оно не удостоивалось еще нигде и никогда.

«Не было и нет композитора, который в такой бы степени

был обращен к миллионным человеческим массам, как Ветховен, — утверждал первый советский нарком просвещения А. В. Луначарский. — Лучшие его произведения являются гимнами в честь всеобщего единения и сотрудничества, выражают радость солидарности и братства всего человечества».

Известно, как страстно увлекался музыкой Ветховена В. И. Ленин. В тяжелые годы гражданской войны, возглавляя первое Советское правительство, Ленин находил время, чтобы посещать концерты бетховенской музыки. Именно тогда — в 1919—1921 годах — его видели на фортепианных вечерах, на симфонических концертах в Большом театре и Московской консерватории. Мемуаристы сообщают об одном из бетховенских вечеров дирижера Сергея Кусевицкого, происходившем 4 октября 1919 года. Исполнялись «Кориолан», «Леонора». Четвертый фортепианный концерт. В зале было холодно, и Кусевицкий выходил во фраке, из-под которого выглядывал серый свитер. Ленин, сидевший в партере Большого зала консерватории, был в пальто с поднятым воротником и в черной шапке-ушанке. «Он сидел, не шелохнувшись, поглощенный музыкой»...

Рассказывают о памятном

16 ДЕКАБРЯ — 200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЮДВИГА ВАН БЕТХОВЕНА

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ «АППАССИОНАТЫ»

вечере в квартире Е. П. Пешковой в Машковом переулке, где Ленин слушал любимую им «Аппассионату» в исполнении Исаа Добровейна. Именно в тот вечер писатель Максим Горький услышал от него слова безграничного восхищения музыкой Ветховена: «Ничего не знаю лучше «Аппассионаты», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!».

По инициативе В. И. Ленина в мае 1918 года началась подготовка к установлению в Москве и Петрограде серии памятных выдающимся революционерам, философам, деятелям литературы и искусства, в том числе и Ветховену. Самая идея постановки монумента Ветховену вызвала громадное удовлетворение в среде поклонников его искусства. К сожалению, трудности военных лет помешали сооружению памятника.

Два бетховенских юбилея, совпавшие с первым десятилетием Советской власти, — 150-летием со дня рождения (1920) и столетие со дня смерти (1927) — были отмечены музыкальными праздниками исключительного художественного значения.

В дни празднования первой годовщины Октября в Московском Большом театре состоялось невиданное по масштабам исполнение Девятой симфонии. На сцене собралось около 500 исполнителей — сводный оркестр из 200 человек и хор из 300 певцов. Критика сообщала о неотразимом впечатлении от праздничного вечера: «Девятая симфония нам теперь особенно нужна как зовущая всех людей к строительству новой, красивой и свободной жизни».

Три концертных сезона — 1918-19, 1919-20 и 1920-21 годы — были исключительно богаты насыщены бетховенской музыкой. Кажется невероятной такая активнейшая концертная жизнь, проходившая в условиях голода, холода и разрухи. Газеты сообщали о тяжелых боях с белыми армиями, о сотнях тысяч больных «испанкой» и сыпным, о контрреволюционных мятежах и террористических актах. А в залах Зимнего дворца и бывшего Благородного собрания трудящиеся Петрограда слушали бетховенские квартеты, «Аделанду» и «Патетическую» сонату.

Вершиной революционного чествования Ветховена было 150-летие со дня его рождения, широко отмеченное зимой 1920-21 годов. «Память великого композитора почтена Советской

Россией, как может быть нигде в мире», — с гордостью отмечала «Правда».

Много лет прошло после событий 20-х годов, овеянных романтикой только что прогремевшей революции. Но любовь советской аудитории к вечно живым творениям Ветховена не угасала никогда. Этому способствовало великолепное мастерство всемирно признанных музыкантов, среди которых блистают имена Святослава Рихтера и Давида Ойстраха, Евгения Мравинского и Эмиля Гилельса.

Вспоминается торжественный вечер в Большом театре, посвященный принятию новой Советской Конституции в декабре 1936 года. В программе была Девятая симфония Ветховена, как нельзя лучше отвечавшая волнующим настроениям собравшихся депутатов высшего органа власти Страны Советов.

Не забыть, как звучала музыка Ветховена в дни второй мировой войны. Гениальный немец был тогда «на нашей стороне», вдохновляя советских людей на борьбу против ненавистного нацизма.

А сколько незабываемых музыкальных впечатлений связано с именем Ветховена! Превосходный спектакль «Фиделио» в Ленинградском Малом оперном театре, поставленный Куртом Зандерлингом. Илия цикл из всех пяти фортепианных концертов, блестятельно сыгранный Эмилем Гилельсом: мужественный натиск Пятого концерта, горячая патетика Третьего, светлое созерцание Четвертого...

Ветховен оказал громадное духовное воздействие и на развитие советской симфонической музыки, в частности на формирование драматически конфликтного симфонизма Дмитрия Шостаковича.

И. НЕСТЬЕВ.

Кандидат искусствоведения.

НОВЕЛЛА

СНЕГ больно хлестал по лицу. Улицы Вены были пусты. Ветховен шел чуть согнувшись, кутаясь в не очень теплое пальто. Интересно, как его встретит французский посол?

В большом сумрачном зале навстречу Людвигу вышло двое. Совсем еще молодой генерал приветствовал его чуть заметным кивком головы.

— Я много слышал о вас, маэстро, — сказал он, — и искренне рад, что вы нарушили мое столь печальное заточение. Позвольте представить моего друга, парижского скрипача Рудольфа Крейцера...

Они присидели при неярком горящих свечах целый вечер. И все это время Бернадотт говорил. Говорил с тем жаром и пылом, что свойственны лишь французам.

— Да, — продолжал гене-

НАКАНУНЕ

рал, — я слышал одну из ваших последних фертепьянных сонат. И знаете, маэстро, музыка эта по-настоящему взволновала меня. Она во многом отражает наше время — время бури, разрушения и созидания. Но, простите меня, маэстро, за столь резкое признание, соната, все же, мне думается, лишь начало. Ваша музыка часто трагична. Но наша революция — это оптимизм и еще раз оптимизм, хотя и стоит он очень дорого. Вот если бы кто-нибудь из композиторов воплотил в музыку все, что происходит в наши дни, — этот небывалый подъем революционного

духа, жажду свободы. Я почему-то убежден, что такое произведение в конце концов будет создано.

В тот памятный вечер было много разговоров, музыки. Играл Крейцер. В его игре было столько блеска и вдохновения, что Ветховен подумал — а не написать ли специально для него скрипичную сонату?

Домой Ветховен возвращался возбужденным. Наконец-то он встретил близких по духу людей...

С тех пор прошло почти восемь лет, но Людвиг не мог забыть того вечера, слов Бернадотта: «Революция — это оп-

тимизм». Сейчас для него, Людвиг, эти слова были особенно близки и понятны. Страшно вспомнить, но ведь был октябрь 1802 года, когда в гейлигенштадском крестьянском доме в порыве отчаяния, — слух все более и более слабел, — он написал и такие строки: «Мое несчастье для меня вдвойне мучительно потому, что мне приходится скрывать его. Для меня нет отдыха в человеческом общении, нет интимной беседы, нет взаимных излияний. Я почти совсем одинок и могу появляться в обществе только в случаях крайней необходимости.

Я должен жить изгнанником... Это его слова. И все-таки он переборол себя. И разве это не было подтверждением того, что когда-то говорил Бернадотт. Да, жизнь тоже оптимистична. И хотя в ней столько горя, страдания, все же после ночи приходит утро с пением петухов, росистыми лугами — солнечное и яркое время бодрости, пробуждающейся энергии, надежд.

Помнится, Бернадотт мечтал о музыке, которая бы впитала в себя все, что происходило в те годы, — идею революции, ее победное начало. Помнится, он, Ветховен, решил написать такую музыку. Но вот прошло столько лет, а сочинение это еще не родилось, хотя он о нем много думал. И сейчас Людвиг хорошо понимал, почему не была написана эта симфония, — его состояние не соответствовало тогда сочине-

нию такого произведения. И хотя о его Второй симфонии и высказался один из критиков, что она напоминает пронзенного дракона, который не хочет умирать и, истекая кровью, сокрушает все вокруг страшными ударами хвоста. И хотя, как рассказывали, его друг Рудольф Крейцер, для которого все-таки он написал скрипичную сонату, прослушав отрывки из этой музыки, пришел в ужас и убежал с концерта, — все же Вторая симфония была только началом. Началом, которое теперь, а он это чувствовал, должно было продолжить его новое сочинение. Оно должно отразить не только смятение, борьбу одного человека. Нет, сейчас время писать об эпохе, о той волнующей неукротимой силе, что движет людьми в их смертельной схватке с обществом, несправедливостью.

Сколько еще надо было предумать, пережить, прежде чем сесть за фортепьяно. И хотя музыка уже теснилась в нем, рвалась наружу, на нотную бумагу, он старался оттянуть этот сладостный и мучительный момент...

И вот однажды Ветховен решился сесть за фортепьяно. Первая часть будущего сочинения уже явственно звучала в нем. Симфония начнется с одной темы, которая в своей разработке воспроизведет внутреннее состояние героя, его характер, стремление к революционному преобразованию мира. И, что бы ни говорили критики, друзья, но в его симфонии будет мало привычной музыки... Ветховен тяжело опустил руки на смутно белеющую в полумраке клавиатуру...

Новая симфония была приятна холодно. Она показалась

публике чрезмерно длинной, скучной. Да и рецензии, появившиеся сразу после исполнения, были недоумевающие. Реакционная газета драматурга Коцебу писала: «Музыка его скоро может дойти до такого состояния, что всякий, кто не вполне знаком с правилами и трудностями искусства, просто не получит от нее никакого удовольствия...»

Много лет спустя выдающийся русский композитор П. И. Чайковский скажет о «Героической»: «В этой симфонии... раскрылась впервые вся необъятная, изумительная сила творческого гения Ветховена».

А. РОГИНСКИЙ.